

Ципко А.С.

Нам, советским людям, выросшим в СССР, да к тому же имеющим историческое, национальное сознание, казалась дикой, противоестественной сама мысль о тотальном распаде страны. Казалось бы, не может рухнуть в одночасье то, что создавалось многими русскими веками, не может Россия бросить на произвол судьбы своих детей, и русский Севастополь, и русскую Одессу, и русский Баку, и русский Усть-Каменогорск. Не может. Не хотелось верить, что все у нас держалось на идеологии, что вместе с крахом КПСС и марксизма-ленинизма разрушился и осто́в нашего государства.

Видит бог, даже тогда, когда дружно взявшиеся за руки прибалты покинули СССР, даже после ГКЧП, я, вплоть до декабря судьбоносного 1991 года, не верил, что УССР выйдет из СССР, что кто-то допустит, чтобы рухнул создаваемый многими веками великороссами и малороссами русский мир. Интересно, что накануне трагедии декабря Михаил Сергеевич забыл о своем «социалистическом выборе» и начал говорить языком нормального русского патриота, начал открыто при встречах с Ельциным обвинять его в том, что на самом деле он разрушает «то, что создавалось десять веков», что он берет на себя непосильную ответственность за гибель России. Но трагедия состоялась в том, что Борис Николаевич был советским человеком, для которого история начиналась с Октября 1917 года, а РСФСР как раз и была Россией.

Но то, что не было видно нам, гражданам коммунистической России было не просто предсказано, а с математической точностью описано юристами, историками и философами старой России почти за семьдесят лет до драмы 1991 года, то есть сразу же после объявления о создании Союза Советских Социалистических республик 30 декабря 1922 года. Они видели, что ленинская идея союза социалистических республик на самом деле создает не здание государства, а временку, могущую на время укрыть от бурь истории, но ненадолго. Вскоре после создания СССР, в середине двадцатых, профессор права Николай Алексеев (он жил и работал тогда в Париже) написал, что «созданные советской политикой национальные духи» рано или поздно вступят в конфликт и с «советским интернационализмом» и с «советской системой, и в результате этой борьбы отдельные, входящие в состав России народы разрушат и Россию и интернационализм». Более того, Николай Алексеев предвидел, что значительная часть этих народов сама по себе «едва ли будет способна к самостоятельному государственному бытию», а потому сюда, на земли советской России, «придет некто третий, не русский и не интернационалист, и превратит эту землю в свою колонию».

Правда, профессор Николай Алексеев не смог предвидеть, что инициаторами разрушения России станут сами русские, и что этим «третьим», хозяином на бывших землях России, станут американцы. Но нельзя требовать от человека, того, что не мог придумать даже Бог. Идея «суверенитета РСФСР» была за рамками научного прогноза. Ни один уважающий себя русский человек не мог себе представить еще в двадцатые, что русские, «ядро империи», окончательно сойдут с ума и начнут добиваться независимости от России и русской истории, независимости от Киева, Севастополя, Минска. Хотя настоящие, то есть дореволюционные русские, к примеру, Павел Милоков, видели, что ленинская, большевистская борьба с «великороссами», требование от них добровольных «уступок» в правах малым народам ослабляет и без того слабое ядро новой, социалистической России. И без того слабое, ибо, как писал в это же время по этому же поводу генерал Алан Деникин, коммунисты-интернационалисты могли победить только у народа, у которого классовое сильнее национального, сильнее привязанности к Отечеству. «Внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма» (А.И. Деникин). А потому как только начинается «бедлам» в центре, в Петербурге или в Москве, все начинают забывать об «идее государственности».

Большевики схитрили. Они предложили «националам» вместо идеи российской государственности идею всемирного коммунистического братства народов. В этом смысле они, конечно, были умнее и практичнее, чем лидеры белого движения, которые совершенно не считались с самоопределенческими настроениями на окраинах империи.

Но и большевистская игра с националами, игра с «правом выхода из Союза» (Ленин) была миной замедленного действия. Ленинское настойчивое желание сохранить, закрепить в Конституции СССР «свободу выхода из союза» выгодно было в момент борьбы за власть, когда надо было привлечь на сторону большевиков «российских инородцев», жаждущих самоопределения. Хитрость большевиков состояла в том, писал, к примеру, Николай Алексеев, что они, с одной стороны, предоставляли право на самоопределение от старой России, но, с другой стороны, через коммунистов самоопределявшихся народов снова привязывали их к уже новой коммунистической России. При этом «Право самоопределения большевики обставили довольно тяжким условием – принятием со стороны самоопределяющихся коммунистической программы советского государственного строя».

Но изначальная привязанность СССР, новой социалистической России к коммунистической утопии обрекала его на гибель, по крайней мере, на распад его исходных оснований. Другое дело, что существовала возможность замены идейной, коммунистической легитимности СССР на другую, историческую, экономическую и т.д. Надо понимать, что Сталин выиграл войну с Гитлером благодаря реинкарнации СССР в Россию, благодаря обращению за помощью к русским и их достоинству. Трудно понять, почему после Сталина среди лидеров КПСС не нашлось уже ни одного лидера с русским национальным сознанием, который бы продолжил начатое Сталиным дело реставрации исторической России и русского национального сознания. Ведь так называемый «китайский вариант» ухода от социализма на самом деле является продолжением того, что Сталин делал во время войны. По крайней мере не составляло труда, конечно, постепенно, менять коммунистическую легитимность на цивилизационную, представить СССР как особую евразийскую цивилизацию. Как полагает Нурсултан Назарбаев, такая смена парадигмы СССР была возможна еще в 1990 году. Но никто из лидеров КПСС, даже реформатор Горбачев, не видели ни необходимости, ни возможности ухода от опасной привязанности СССР к марксизму-ленинизму. И этот столбняк мозгов, атрофию инстинкта национального самосохранения трудно объяснить «заговором ЦРУ».

Все это привело к тому, что судьба СССР в конечном счете оказалась целиком во власти своих «хрупких» конструкций.

Во-первых, непрочной, как было сказано, была сама легитимность Союза, его обоснование. Свободные социалистические республики якобы объединяются во имя строительства социализма и коммунизма под, как писал Николай Алексеев, «коммунистическую программу». А если произойдет то, что произошло, если коммунизм построить не удастся, если население республик, поймет, что коммунизм – это утопия, что без рынка и частной собственности долго жить нельзя и т.д.

Понятно, что тогда, когда идеологические скрепы рухнут, когда вера в марксистский идеал будет подорвана, основным фундаментом останется сила, способность Центра, коммунистической власти подавлять центробежные настроения, подавлять своих оппонентов.

Необходимо обратить внимание, что историк Павел Милоков, лидер кадетов, полагал, что на самом деле никогда советская власть не делала целиком ставку на «социальный идеал», на веру в коммунизм. С самого начала, писал Павел Милоков, самое существование советской власти «делало невозможным осуществление какой бы то ни было свободы, в том числе и национальной».

В любом случае, как бы ни оценивать роль насилия, принуждения к Союзу в его изначальной жизнестойкости, это (уже во-вторых) делало его чрезвычайно уязвимым с этой, физической стороны. Стоило когда-то ослабнуть способности Центра принуждать к союзу, подавлять центробежные настроения, и он неизбежно должен был дать трещину. Стоило ослабнуть самой способности власти, моральной, психологической способности коммунистов, работников НКВД, а потом КГБ, применять насилие к отступникам от веры, к сепаратистам, и для «национальных духов» тогда открывался простор для их разрушительной работы.

Скажу сразу, одной из главных, уже субъективных причин распада СССР было то, что лидеры перестройки и прежде всего Михаил Горбачев не понимали, что относительный мир между народами СССР, который они застали, относительное единство страны являются производными от крепости системы, которую они решили реформировать.

В-третьих, слабость союза состояла в том, что он с самого начала связывал свою судьбу с поведением коммунистов национальных республик. Хитрость большевиков, как писал Николай Алексеев, состояла в том, что они вводили советский строй на окраинах царской России, опираясь на местных коммунистов. Они, большевики, «владели Кавказом при помощи кавказских коммунистов, а не единственно военной оккупацией». Но как только власть на местах, в союзных республиках полностью и окончательно перешла в руки местных, национальных коммунистов, они по логике существования самой власти, стремились к как можно большей самостоятельности от Центра. Союз Центра с коммунистами национальных республик был на самом деле союзом с его могольщиками, ибо в случае ослабления Центра или, тем более, его распада именно коммунисты национальных республик становились главной центробежной силой, локомотивом растаскивания Союза. И чем сильнее, благодаря экономическим и прочим «уступкам» со стороны великороссов становилась партийная элита национальных республик, чем быстрее развивалась национальная культура в национальных республиках, тем настойчивее было их желание выйти из Союза.

Сейчас, спустя уже пятнадцать лет после распада Союза, становится видно, что трагическая роль во всей этой истории сыграла и наша советская, марксистская недооценка места и значения национальных чувств в жизни человека. Все дело в том, что в подавляющем большинстве бывшие великороссы, ставшие советскими людьми и возглавившие КПСС, возглавившие перестройку, к примеру, Михаил Горбачев, Александр Яковлев действительно стали советскими людьми, лишенными и национальных чувств и во многих отношениях национальных привязанностей. А лидеры советских национальных республик, напротив, вслед за экономическими и культурными достижениями своих республик, все больше и больше отдавали себя во власть национальных чувств и национальных привязанностей. Не следует забывать, что, к примеру, украинизация УССР началась еще в семидесятые, при П.Е. Шелесте.

И, в-четвертых, изначальная слабость Союза, всей советской системы состояла в том, что она всем своим острием, и идейным и моральным, и, как выяснилось потом, материальным, была направлена против «ядра» социалистической России, против великороссов. Все дело в том, что Ленин всерьез верил, что в национализме так называемых «угнетенных» наций виновен прежде всего «национализм большой нации», национализм в кавычках «великой», «великодержавной» нации, то есть великороссов. Поэтому большевики с самого начала связывали судьбу Союза с преодолением «остатков империалистического шовинизма, в которых отражается привилегированное положение великороссов».

Отсюда и призывы Ленина не ограничиваться в будущем Союзе народов «формальным равенством», а перейти к политике «уступок» со стороны великороссов по отношению к «инородцам». С точки зрения Ленина «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой то неравенство, которое складывается в жизни фактически» (Ленин В.И. Полное собр. соч. т. 45, с. 359). Речь таким образом с самого нашего создания Союза шла о перемещении великороссов в то положение, в котором до революции были инородцы. Если до революции притеснялось развитие украинского или татарского национального сознания, то теперь в Союзе подавлялось национальное самосознание великороссов, подавлялся их патриотизм, а рост самосознания всех других народов СССР, напротив, всячески поощрялся.

Не следует, к примеру, забывать, что современная украинская нация и современная украинская элита были созданы в двадцатые благодаря национальной политике большевиков. Павла Милокова просто коробило стремление большевиков превратить РСФСР, российскую республику в этнографический заповедник, а карту русских административных границ – в «историко-этнографическую карту». В начале двадцатых обыкновенный русский обыватель впервые узнал о существовании таких народов, как, к примеру, мари или коми, названия которых были заимствованы большевиками из летописей.

Усталость бывших великороссов от империи, их болезненное желание создать свою, русскую республику, сумасшедшая идея «суверенитета РСФСР» конечно были порождены антирусской политикой большевиков, антирусской политикой всех без исключения лидеров КПСС. Сталин тоже строил социализм и восстанавливал страну после войны за счет русских.

Конечно, сейчас мы должны понимать, что вожди Октября со своей идеей самоопределения вплоть до отделения, со своей идеей свободного выхода из Союза не думали, не предполагали, что она окажется миной замедленного действия. Нельзя забывать, что Ленин, защищающий право народов на «свободу выхода из союза», критикующий Сталина и Орджоникидзе за интеграцию при помощи «физического насилия», видел мир, будущее советской России, всей человеческой цивилизации как ортодоксальный марксист. Он действительно верил в победу мировой пролетарской революции, в отрицание так называемого «мелкобуржуазного» национализма. Ленин и мысли не мог допустить, что мы будем строить социализм в отдельно взятой стране. Он, верил, что социализация и коммунизация России

приведет к отрицанию всех форм национализма, а, в конце концов, к полной и окончательной победе марксистского пролетарского национализма.

Нельзя забывать, что большевики говорили не только о великодержавном шовинизме русской нации, но и о «грузинском шовинизме, направленном против армян, осетин, аджарцев и абхазов», и об «азербайджанском шовинизме, направленном против армян», и об «узбекском шовинизме (в Бухаре), направленном против туркмен и киргизов». Они мечтали переделать природу всех наций, а не только самосознание великороссов.

В рамках такого ленинского коммунистического мессианизма не имело никакой разницы, будет ли будущая коммунистическая Грузия в составе коммунистической России, или она будет независимой. Отсюда и довольно наивное, легковесное отношение к «праву выхода из Союза».

Далее, если мы хотим всерьез понять, почему же Союз распался так быстро и так грубо, arrogantно, что со смертью Ленина умерла и ленинская, в своей основе все же демократическая национальная политика. Полная и окончательная победа Сталина привела к победе его политики физического, насильственного подавления всех национальных сил. Сталинская политика расправы с так называемым буржуазным национализмом в советских республиках начала тридцатых ознаменовала собой начало уже длительной эпохи «сталинских репрессий».

Сталин за четверть века своей власти породил столько национальных «обид», столько страсти к самоопределению, сколько не породила царская Россия за двести лет. Надо признать, без этого невозможен объективный анализ причин распада СССР в 1991 году, что чем больше в том или ином случае применялось «физического насилия» при вхождении республики в СССР, тем меньше в ней на самом деле было представителей «новой исторической общности советский народ». Понятно, что и латыши, и эстонцы, и литовцы никогда, ни в первом, ни во втором, ни в третьем поколении не смогли простить Сталину, советской власти уничтожение их национальной элиты. Еще больше «физического насилия» Сталин применил по отношению к элите Западной Украины, присоединенной к СССР в 1940 году. В то время, когда по приказу Гитлера расстреливали профессоров Краковского университета, по приказу Сталина расстреливали интеллигенцию Львова. Поэтому не стоит удивляться и появлению УНА-УНСО, и устойчивым, передающимся от поколения к поколению антисоветским настроениям в областях Западной Украины. Интересно, что идея «незалежности», независимости от России здесь, в областях Западной Украины, была сильна и в комсомольской, партийной среде. Я сам наблюдал в Стрийском районе под Львовом зимой 1972 года, как после окончания семинара комсомольский актив, взявшись за руки, плясал вокруг костра на заснеженной поляне и выкрикивал: «Незалежність». Меня, корреспондента «Молодого коммуниста» не стеснялись, ибо полагали, что любой человек с украинской фамилией должен быть с ними солидарен. Нет смысла напоминать, что после насильственного выселения из Северного Кавказа и чеченцев, и ингушей, и балкарцев потенциал центробежных сил в СССР резко вырос.

Так что, строго говоря, сам вопрос: «Можно ли было избежать распада СССР?» – который мы до сих пор задаем себе по инерции, не очень корректен. Можно ли было избежать распада СССР в условиях демонтажа советской системы? – вот проблема, которая действительно заслуживает внимания и представляет не только научный, но и практический интерес.

Очевидно, что если бы не умер так скоро Ю.В. Андропов, или если бы Генеральным секретарем стал не шестидесятник Горбачев, а, к примеру, почвенник Воротников, то СССР точно дожил бы по крайней мере до нового тысячелетия.

Все дело в том, что скрытые, затаившиеся «национальные духи» могли вырваться на поверхность политической жизни, а тем более овладеть национальными массами, повести их за собой только в условиях свободы слова, отмены цензуры, когда будут сломлены плотины страха. Архитекторы перестройки, подавляющая часть советской интеллигенции не понимали, не отдавали себе отчета, что так желанная свобода и демократия окажутся свободой прежде всего для сил разрушения, как для «национальных духов», так и для политиков, которые стремились с их помощью прийти к власти.

Все дело в том, что в условиях сохранения сильного коммунистического центра, когда работала советская система страха, центробежные эмоции, работа «национальных духов» все же уравновешивалась центристскими настроениями, чувствами единения, реальными успехами социалистического интернационализма, успехами на пути, как мы говорили, формирования новой исторической общности советский народ, успехами на пути распространения среди народов СССР и русского языка, и действительно великой русской культуры, успехами экономической интеграции. В конце концов, фактором естественного, ненасильственного единения народов СССР была и сложившаяся на протяжении нескольких веков, а у русских, у великороссов и малороссов – многовековая привычка быть вместе. Реально силами сдерживания центробежных сил были и советский интернационализм, и советская многонациональная элита, и единая русско-советская культура, и экономические связи.

Но теперь, после распада СССР, становится видно, что на самом деле все эти объективные факторы единения народов СССР могли работать, сдерживать «духи национализма» только в условиях сохранения и стабильного развития советской системы. Теперь становится ясно, что в условиях революции, какой на самом деле была перестройка, в условиях демонтажа механизма страха, центробежные силы становились сильнее центристские, сильнее многовековой привычки жить вместе. Надо понимать, что силы страха у нас в СССР сдерживали не только республиканский национализм, самоопределенческие страсти, но и социальное недовольство, вызванное вечным советским дефицитом, неустраивенностью быта. По мере того, как до советского общества доходила правда о «загнивающем капитализме», росло моральное, духовное сопротивление абсурду советской системы, росло недовольство «колбасными электричками». Свобода не только открыла простор для «национальных духов», но и предоставила им возможность активно использовать в своих разрушительных целях недовольство извечным советским дефицитом.

Надо понимать, что сам по себе проигрыш СССР в экономическом соревновании с Западом, неспособность советской системы обеспечить советским людям достойный, сопоставимый с другими европейскими странами уровень жизни, мог проявить себя, вылиться в активные политические действия только в условиях политической свободы, когда стало позволено говорить языком правды. В этом смысле не соответствуют действительности утверждения многих нынешних апологетов боровежских соглашений, что судьба СССР была решена, когда резко упали цены на нефть. Советский народ был куда более терпеливый, чем даже русский народ.

Не следует забывать, что мы до сих пор, спустя пятнадцать лет, живем на экономических и материальных ресурсах СССР. Так что разговоры о том, что СССР распался из-за того, что цены на нефть упали до 9 долларов за баррель, или из-за того, что мы не выдержали гонку вооружений, рассчитаны на наивных.

Есть более, чем достаточно оснований утверждать, что если бы не перестройка, не горбачевская революция сверху, союз, по крайней мере единство всех русских – и великороссов, и малороссов, и белорусов, – единство славянских и азиатских республик сохранился бы надолго, по крайней мере еще два десятилетия.

Правда, и здесь надо быть справедливым. Руководители КПСС не могли не реагировать на стремительный рост свобод, который происходил в семидесятые и в начале восьмидесятых в европейских социалистических странах и прежде всего в Польше и в Венгрии. Горбачев со своей перестройкой был реакцией и на Прагу 1968 года, и на польскую «Солидарность» 1980 года. Советская система могла существовать долго в старом виде только в случае полной изоляции не только от Запада, но и от социалистических стран Восточной Европы. Все это говорит о том, что СССР, как страна строителей коммунизма, все же был обречен.

Как мы теперь понимаем, психология, состояние духа нации, национальной элиты или отсутствие таковой играют куда более важную роль в сохранении тоталитарных систем типа советской, чем состояние экономики. Материальными, экономическими факторами не объяснишь паралич воли у лидеров ГКЧП или самороспуск КПСС, самороспуск партии, которая на протяжении семидесяти лет контролировала все высоты политики и экономики. Конечно, Горбачев сознательно разрушал КПСС, хотел уйти от идеологической, революционной природы нашего государства. Но ведь среди руководства КПСС, в рядах миллионного советского партийно-хозяйственного аппарата не оказалось силы, способной остановить разрушительные для системы демократические реформы. Откровенной ложью является утверждение наших реформаторов, команды Гайдара, что инициатором перестройки, инициатором разрушения советского строя был аппарат, была «номенклатура», которая решила «обменять власть на собственность» (Егор Гайдар). Во-первых, номенклатура не была так глупа, как полагает отпрыск этой номенклатуры Егор Тимурович. Она прекрасно понимала, что в России собственность без власти ничего не стоит. И, во-вторых, что следует из первого, на самом деле все обстояло прямо противоположным образом. Номенклатура и прежде всего партийный аппарат был упорным, категорическим противником перестройки, демократических перемен.

Как раз борьба между партийно-хозяйственным аппаратом и перестройщиками, командой Горбачева, и была детонатором советской системы. На самом деле в рамках СССР были возможны только те реформы, те преобразования, которые соответствовали интересам номенклатуры, гарантировали ей устойчивость власти. Перестройка как война Горбачева с аппаратом как раз и погубила страну. Он-то, Горбачев, рассчитывал, что освобожденная им, вынесенная на поверхность политической жизни интеллигенция, журналистская элита, понесет его на руках к вершинам новой, на этот раз демократической власти. Но на самом деле обласканная Горбачевым либеральная интеллигенция не просто бросила его на пол, а в грязь, а потом затоптала ногами. И в решающие минуты, когда решалась судьба государства, Горбачеву не пришли на помощь ни генералы, обиженные им, ни номенклатура.

Но все же. За распадом СССР было много серьезных объективных причин. Но никакой неотвратимой необходимости погибнуть СССР именно в 1991 году и именно таким образом, путем гибели центра не было. Повторяю. Окажись на месте Горбачева другой член Политбюро, не выпускник МГУ, симпатизирующий либеральной интеллигенции, не скрытый «шестидесятник», и история нашей страны могла сложиться по-другому.

Не забывайте, что ГКЧП поддержали не только все 25 автономных республик СССР, но и население БССР, значительная часть населения Украины, население всех азиатских республик поддержало ГКЧП, поддержало замораживание опасного и разрушительного новогагаревского процесса. Многие обращали внимание на очень осторожную реакцию со стороны лидеров и Украины, и Грузии, и Армении, и Азербайджана, не говоря о лидерах среднеазиатских республик, на заявление ГКЧП. Таким образом СССР распался не только из-за перестройки Горбачева, но и из-за того, что среди членов ГКЧП, как писал Георгий Шахназаров, «не было признанного вождя, готового пойти до конца, взять на себя ответственность за кровопролитие. Ни один заговор никогда не увенчался успехом, если не находился человек, без колебаний отдающий приказ: «Пли!». Абсурд с ГКЧП еще раз доказывает, что все же главная причина распада СССР в нежелании и одновременно неспособности русской нации, ядра государства удерживать центробежные силы, спасти единство страны. Прочтите покаянное, слезливое письмо руководителя ГКЧП В.А. Крючкова М.С. Горбачеву (25.20.91), и вы поймете, почему русские проиграли вистую свой XX век. На фоне поведения проигравшего свой переворот генерала Крючкова поведение проигравшего свой мятеж генерала Корнилова в августе 1917 выглядит примером доблести и мужества. Хотя причины поражения и генерала Корнилова, и генерала Крючкова – одни и те же. В решающие минуты нашей истории у нас не находится достаточно людей, желающих спасти Россию.

Номенклатура была слаба духом. Но все же она не хотела перестройки, боялась взрывных перемен. Родовая травма СССР была связана не только с его излишней привязанностью к марксистской идеологии, но и с всевластием КПСС, с тем, что его настоящее и будущее во многом было привязано к настроениям воли лидера этой партии. Как выяснилось, стоило какой-либо чужой и в этом смысле разрушительной идее овладеть лидером КПСС, и вся система была обречена. Коммунистическое самодержавие лидера КПСС, как и право выхода из Союза, было миной, заложенной под его здание.

Советская система как бы нарочно готовила все необходимое для распада СССР на тот момент, когда его руководство потеряет контроль над страной. Она сделала русских гражданами РСФСР, лишила их русского национального сознания, понимания того, что СССР – это и есть складывающаяся веками Россия, она сделала все для независимости советских республик и, самое главное, система еще в двадцатые лишила нас национальной элиты, лишила нас всех тех, кто дорожил русским миром, готов был ради него умереть. Те, кто пришел на смену русской национальной элите, напротив, сделали все возможное, чтобы убить историческую Россию.

Конечно же, лидеры «Демократической России» как образованные люди знали, что распад СССР означает и распад единого русского мира, который до революции 1917 года на всех картах обозначался как «русские вообще», знали, что к «русским вообще» относились и великороссы, и малороссы, и Белоруссия. Но, как известно, они «целились не в коммунизм, а в Россию», а потому сознательно поддерживали безумцев, решивших сократить русский мир до границ РСФСР.

СССР, то есть исторической России, русского мира, который создавался веками, уже нет, и его не вернешь, по крайней мере, как единое государство. Но надо помнить, что и в новой России, которая выбралась из-под обломков СССР, начала новую, некоммунистическую жизнь, сохранились, дают о себе знать все родовые травмы СССР. У этнического ядра страны, у великороссов до сих пор слабо развито чувство русскости, чувство ответственности за создаваемый их предками русский мир. До сих пор нашими мыслями и чувствами владеют борцы с «империей», те, кто не оставил надежду разрушить русский мир до основания, на его «полную гибель всерьез».